

— До того как ты меня нашел, ты хоть что-то знал? — спросил Янь Хан.

— Мы не общались пять лет, лишь два месяца назад был тот единственный звонок, — ответил Лао Цуй. — Ты должен знать своего отца лучше, чем я.

Янь Хан съежился в кресле, чувствуя, как в голове снова воцаряется хаос.

Неясно, то ли оттого, что последние дни он постоянно витал в облаках, то ли разум начал покрываться ржавчиной.

— Это моя визитка, — Лао Цуй протянул ему карточку. — Я остановился в отеле по соседству. Как решишь — позвони мне.

Янь Хан взял визитку и взглянул на нее: Цуй И.

— Мой личный совет, — Цуй И посмотрел на него. — Тебе стоит поехать со мной.

— Почему? — Янь Хан все еще смотрел на визитку. Люйши?

— Твое нынешнее состояние... оставаться здесь, пожалуй, не лучшая идея, — сказал Цуй И. — Иначе отец не стал бы просить меня приехать.

Янь Хан промолчал.

Нынешнее состояние.

Да, состояние было отвратительным. Каждый день словно вязнешь в чем-то тяжелом, неспособный выбраться.

Но он не особо хотел уезжать. Это место было совсем не похоже на все те, где ему доводилось бывать раньше.

И только здесь еще остались следы отца. Если он уйдет — возможно, он никогда больше их не ощутит.

— Я вернусь в отель, — сказал Цуй И. — Позвони, когда примешь решение. Я буду там.

— Хорошо, — отозвался Янь Хан. — Спасибо.

Перед уходом Цуй И раздернул шторы, и утреннее золотистое солнце хлынуло в комнату.

Янь Хан зажмурился, словно ночное животное, которое внезапно выбросили под палящий зной.

Он достал письмо отца, еще немного подержал его в руках, а потом лег на диван и прикрыл глаза этим листком.

Письмо было передано Цуй И заранее — отец наверняка все спланировал еще тогда.

Он не знал, что делать.

Он хотел уйти, но не хотел уходить.

Он хотел найти отца.

Если умер — найти тело.

Если жив — увидеть его самого.

Как ни крути, он хотел найти отца.

Но интуиция подсказывала: отец сюда больше не вернется.

Все, что было связано с этим местом, закончилось.

Янь Хан открыл купленный вчера Дачу И саморазогревающийся рис, выбрал коробку с мясом в рыбном соусе и стал не спеша есть.

Он мог представить, какой у этого блюда вкус.

Но сам он его не чувствовал.

То же самое было и со вчерашним рисом с тушеным мясом.

Подобная потеря чувств — осязания, обоняния, вкуса — случалась с ним и раньше. Порой на несколько дней реальность начинала ускользать, превращаясь в нечто призрачное.

Вероятно, именно этого отец боялся больше всего.

Он открутил крышку бутылки с холодным чаем и сделал несколько больших глотков.

Поев, он принял душ, переоделся и, натянув маску, вышел на улицу.

Солнце палило нещадно, глаза болезненно пульсировали.

Он постоял в тени деревьев, дождался, пока зрение адаптируется, и медленно перешел улицу, направляясь к речному берегу.

Оградительную ленту у реки уже убрали, на дороге не осталось никаких следов, и прохожие вели себя как ни в чем не бывало, словно забыв о том, что здесь произошло.

Янь Хан оглянулся: позади виднелся хутун — то самое место, где отец исчез в последний раз.

Он постоял на перекрестке еще мгновение, затем повернулся и зашагал к берегу.

На дороге вдоль реки по-прежнему было пусто. Температура поднялась, и ветер доносил запах, исходящий от воды — он вдруг очень остро понял, почему это место обходят стороной.

И так же остро прочувствовал невероятное одиночество Дачу И, раз тот мог выносить этот запах и искать здесь дупло.

Дупло нашлось быстро, идти пришлось недолго.

Янь Хан подошел к дереву, наклонился, заглянул в отверстие и понюхал — на удивление, пахло свежей древесиной.

Он прижался к нему лицом.

— Дачу И, тугоу, — тихо проговорил он. — Не знаю, слышишь ли ты меня здесь.

— Хочу сказать: я был во многих местах, встречал много людей, но если сейчас попросить меня назвать три имени, — Янь Хан слегка поскреб кору, — то, пожалуй, кроме Янь Чжюаня и Янь Хана, останется только Дачу И.

— Я взяла тебе несколько дней в школе, сходишь на занятия, когда начнется сессия. Мама сидела на диване, на лбу у нее был наклеен пластырь, который дала Бабушка. За эти пару дней ее и без того вечно недовольное лицо стало еще длиннее, а носогубные складки, казалось, опустились к самому подбородку.

Дачу И промолчал. Он не знал, как себя вести.

Он и раньше не горел желанием ходить в школу, а теперь, когда нужно было просто взять и не пойти — чувствовал неловкость. Но если идти — то как смотреть в глаза одноклассникам, как выносить их насмешки и упреки? Кто знает, не вздумает ли кто-нибудь «очистить общество»...

— Поживи несколько дней у дедушки с бабушкой, — сказала мама. — Заодно спроси, не знают ли они, куда еще мог податься твой отец.

Дачу И кивнул.

В другое время он бы обрадовался возможности поехать к Дедушке и бабушке, но сейчас... видеть их горе он был совсем не готов.

— Хорошего же сына они вырастили, — Бабушка в стороне щелкала семечки. Она не останавливалась уже все утро, словно у нее было навязчивое состояние. — Такая беда случилась, а они даже не показались. Поразительно.

— Что толку от их приезда? — отозвалась мама. — Места в доме нет, только лишние хлопоты по уходу за ними.

— Мечтай! Еще чего, жить здесь? Ухаживать? — Бабушка швырнула горсть шелухи на пол. — Сын, которого они воспитали, чуть что — бросил жену с ребенком и в бега! И они еще рассчитывают, что я буду их обихаживать?

Мама промолчала, нахмурившись.

— Помнишь! Когда Дачу И был маленьким, он как-то повез его на рынок на своей развалюхе. Увидел драку с ножами — бросил сына и сбежал! Трус несчастный!

— Он просто бежал, чтобы Дачу И не пострадал в суматохе, — сказала мама.

— Мало ли что он там себе наплел! — Бабушка, казалось, пыхтела дымом из всех отверстий, чуть ли не из ушей. Она ткнула пальцем в Дачу И. — Спроси у Дачу И, так ли это было!

Дачу И промолчал.

Он не помнил того случая, может, был слишком мал.

— Ну чего ты такой заика! — воскликнула Бабушка. — Да ты, мать твою, просто немой!

Дачу И не мог найти себе места дома, но днем старался не выходить — боялся соседей и Бабушку.

Приходилось сидеть взаперти и «общаться» через телефон.

Лента Янь Хана давно не обновлялась, а старые посты он перечитал бесчисленное количество раз, хотя и понимал не все. Он заглянул в Вэйбо Янь Хана: везде никнейм «Син Тянь», найти его было легко.

В Вэйбо тоже пусто, публикаций еще меньше, чем в ленте. Фанаты каждый день отмечались под его последним постом: «доброе утро», «добрый день», «спокойной ночи». Стримов больше не было.

«Не помню, какой это раз, когда ты внезапно исчезаешь. Помни, что нужно вернуться».

Дачу И долго смотрел на этот комментарий. Похоже, Янь Хан всегда был таким — внезапно пропадал и, возможно, так же внезапно появлялся.

Дачу И со своего аккаунта, которым никогда не пользовался (никнейм состоял из невнятного набора цифр), тихо подписался на Вэйбо Братца Син Тяня.

Чтобы его не приняли за рекламного бота, он сменил ник на «Дачу И», а еще репостнул пару смешных постов с кучей «ха-ха-ха».

Кажется, теперь стало похоже на настоящего человека... Он репостнул еще один пост, добавив в конце «ик», чтобы выглядело естественнее.

Так вроде лучше.

Он хотел написать Янь Хану, что уезжает на пару дней к бабушке, но подумал — это глупо. В том состоянии, в котором находился Янь Хан, ему было не до чужих поездок.

Да и он сам не решался выйти на связь. Помимо скрытого наблюдения, он не знал, как еще можно вести себя в столь неловких отношениях.

У него никогда не было друзей, а теперь появился — и все так обернулось. Всякий раз, думая о Янь Хане, Дачу И чувствовал лишь растерянность и тревогу.

Дом Бабушки находился в пригороде, добраться туда было непросто — нужно ехать на автобусе.

Но сегодня мама позвонила Тете, и та согласилась отвезти его на машине.

— Посмотри на свою мать, — заметила Тетя. — Как нужно что-то от меня — так ни секунды не сомневается.

Дачу И виновато улыбнулся.

— В том смысле, что тебя я отвезу. А если бы ей самой понадобилась машина — я бы даже не почесалась. Тетя достала из кармана красный конверт и сунула ему в руку. — Держи. Это от Бабушки, на успокоение.

— Спасибо, — Дачу И сжал конверт.

<http://bllate.org/book/18095/1738912>